

УДК 811.161.1

**СУБСТАНТИВАЦИЯ И ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ МЕСТОИМЕНИЯ *наши*
В АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ МИРА**

© 2013 г.

И.Ю. Гранева

Нижегородский госуниверситет им Н.И. Лобачевского

irina.graneva@mail.ru

Поступила в редакцию 12.12.2013

В работе анализируются языковые механизмы субстантивации и лексикализации русского местоимения *наши* в аспекте семантической деривации. Рассматриваются возможности использования субстантивированного и лексикализованного местоимения *наши* в языковой концептуализации сферы норм, идеалов и ценностей в национальной картине мира.

Ключевые слова: местоимение *наши*, субстантивация, лексикализация, языковая концептуализация мира.

В наших предыдущих работах были рассмотрены возможности субстантивации и лексикализации русского личного местоимения *МЫ*, выявлены референциальные, семантические, стилистические и коммуникативно-прагматические факторы приобретения данным местоимением номинативной функции по модели существительных [1]. Подобная трансформация в определенных синтагматических условиях обнаруживается и у местоимения *наши*.

Предметом данного исследования является субстантивация и лексикализация местоимения *НАШИ* в современном русском языке. В качестве источника языкового материала используются данные Национального корпуса русского языка (в дальнейшем НКРЯ).

Языковой механизм субстантивации и лексикализации местоимения *НАШИ* связан с модификацией его дейктической семантики, а именно с ее частичным или полным переходом к функции номинации. Теоретически возможность перехода дейктической функции личных местоимений в номинативную обоснована в концепции «указательного поля» К. Бюлера.

В частности, исследуя особенности инклюзивного и эксклюзивного употребления местоимения *мы*, К. Бюлер пишет: «Как и *я*, *мы*, конечно, предполагает также и использование вспомогательных средств. Но, кажется, оно изначально на шаг дальше, чем *я*, удалено от пограничной значимости чистого указательного знака. Ибо оно как-то требует формирования класса людей; инклюзивное *мы*, например, требует формирования иной группы, нежели эксклюзивное. А формирование класса — привилегия назывных слов, языковых понятийных

знаков. Вполне возможно, что элемент единственного числа, который, наоборот, на нашей языковой ступени содержится в *я*, четче проявляется в оппозиции. А именно в оппозиции со специальным знаком, обозначающим двойственность или множественность адресата. И этот четко выраженный элемент единичности с логической точки зрения относится не к чистому указанию, а составляет первый шаг называния» [2, с. 129].

С точки зрения языковой концептуализации мира возможность переосмысления исходной дейктической функции местоимений *НАШИ* и *МЫ* связана с их особой ролью в языковой картине мира. *НАШИ* и *МЫ*, оба слова обозначают неопределенную концептуальную область «круга своих», очерчивают границы своего мира, восходят к древнейшим моделям семантического представления значимого для человека, освоенного и присвоенного им фрагмента действительности. Как свидетельствует Ю.С. Степанов, идея «мира» через идею «порядка, устроенности, лада» связана с идеей «*мы*» и «*наши*», воплощающего «свое», в противовес враждебному, «чужому»: ««Мир» в древнейших культурах индоевропейцев — это то место, где живут люди «моего племени», «моего рода», «**МЫ**» [выделено нами. — *И.Г.*], место, хорошо обжитое, хорошо устроенное, где господствует «порядок», «согласие между людьми», «закон»; оно отделяется от того, что вне его, от других мест, вообще — от другого пространства...» [3, с. 95].

В концептосфере национального языка *МЫ* и *НАШИ* выступают как своего рода синонимы на базе указанного выше ценностно значимого представления о «своем мире», что становится

возможным исключительно благодаря утрате этими местоимениями своих первичных действительных значений в системе языка. Например, название поста в интернете: *Мы, русские, за границей* – и популярный слоган: *Наши за границей*, где МЫ и НАШИ имеют один и тот же референт – ‘совокупность всех русских людей’.

Параллель ‘мир’ – ‘мы’/‘наши’ является концептуальной основой для так называемого «экзистенциального» нереперентного употребления МЫ и НАШИ, которое поляризует семантическое пространство по признаку МЫ ↔ ВЫ / НАШИ ↔ ВАШИ (МЫ или НАШИ «ценностное», «идеологическое», «классовое», «партийное», «государственное» и т.д.). Наблюдается только одно различие между МЫ и НАШИ: употребляя нереперентное МЫ как знак принадлежности к «своему кругу», говорящий включает себя в этот круг: *Неужели мы, русские, какой-то особый, железный народ, народ особого назначения?* (НКРЯ); употребляя нереперентное НАШИ, говорящий только обозначает принципиальную принадлежность к данному кругу, но не обозначает себя непосредственно как участника события. *Наши вчера победили чехов.*

В настоящей работе разграничиваются понятия **субстантивации** и **лексикализации**. Лексикализация, в нашем понимании, есть процесс чисто семантический, связанный с переосмыслением первичной, исходной действительной функции местоимения, при котором местоимение начинает обозначать некую нерасчлененную общность людей по какому-либо значимому для говорящего признаку. Но при этом лексически и грамматически это слово в тексте «ведет себя» именно как местоимение, т.е. не проявляет парадигматических и синтагматических свойств существительного. Субстантивация, в отличие от лексикализации, означает именно изменение морфологических характеристик и синтагматических свойств местоимения по типу существительного (приобретение сочетаемости с прилагательным или местоимением-прилагательным).

I. Лексикализация местоимения НАШИ.

К случаям лексикализации местоимения НАШИ относятся примеры, где это местоимение называет совокупность лиц по национальному, социальному и партийному признакам.

Местоимение НАШИ может обозначать русский народ в целом, как в примере, приведенном выше: *Наши за границей* [=русские]. Но также это местоимение может обозначать какую-то часть этноса или государства, выделен-

ную по социальному, профессиональному, культурному или иному признаку.

В этот же день немцы вошли и в Матвеев Курган, который наши оставили без боя [=Советская армия] – обозначает часть этнической или государственной совокупности людей по военному признаку.

Наши просто молодцы! Хорошо сыграли в защите, в нападении тоже, обыграли канадцев [= национальная спортивная команда] (НКРЯ) – обозначает часть этнической или государственной совокупности людей, объединенных по спортивному признаку.

Наши – первые в космос полетели [=космонавты] (НКРЯ) – обозначает часть этнической или государственной совокупности людей по профессиональному признаку.

Я уверен, что если такое предложение поступит, либо будет такая возможность, наши попытаются пробиться в Европу [= представители общественного движения]: приводится фрагмент беседы с представителями фонда «Общественное мнение» в Новосибирске, 2004 (НКРЯ) – обозначает часть этнической или государственной совокупности людей, объединенных по какому-либо значимому социальному признаку, общности взглядов, схожести мировоззрения.

II. Субстантивация местоимения НАШИ.

Возможна как по формальным, так и по семантическим признакам. Формальные признаки субстантивации – это, например, возможность сочетаемости местоимения НАШИ с определителем – местоимением-прилагательным или прилагательным. При этом референция НАШИ возможна как к предельно общей совокупности людей, так и к объединению людей по микрогрупповому или семейному признаку (это распознается по контексту): *А все наши уже к столу собрались* [=семья] (НКРЯ): речь идет об обычном семейном торжестве.

Семантические признаки субстантивации – возможность употребляться в контексте идиоматических выражений типа *Знай наших!* – или даже в функции имени собственного: ср. название известного общественного движения «*Наши*» (возможность выступать в функции имени собственного в норме присуща только существительному).

Подобная субстантивация характерна для употребления местоимения в художественных произведениях в эстетической функции. Вспомним, например, название романа Е.Замятина «*Мы*», а также употребление лексикализованного оборота «*у наших*» в романе

Ф.М. Достоевского «Бесы» (так называется глава 7 во II части романа). Отметим, что в последнем случае наблюдается сложная оценочная реакция автора на данное словоупотребление: «у *наших*» в романе Ф.М. Достоевского дается в кавычках, что выражает сознательное острашение автора от ценностей, декларируемых «нашими» (т.е. у Ф.М. Достоевского «наши» – совсем не принадлежащие нам, близкие нам («не наши») в обыденном общеязыковом нереперентном употреблении).

Эти и другие примеры показывают значительные возможности механизмов субстантивации и лексикализации местоимения НАШИ в языковой концептуализации сферы норм, идеалов и ценностей в национальной картине мира.

Список литературы

1. Гранева И.Ю. О субстантивации личного местоимения *мы* // В.А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение: тр. и матер. Междунар. науч. конф. Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. Т. 1. С. 49–51.
2. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка: Пер. с нем. Общ. ред. и коммент. Т.В. Булыгиной, вступ. ст. Т.В. Булыгиной и А.А. Леонтьева. М.: «Прогресс», 1993. 528 с.
3. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

THE SUBSTANTIVIZATION AND LEXICALIZATION OF THE PRONOUN “NASHI” (“OUR”) IN THE ASPECT OF LANGUAGE CONCEPTUALIZATION OF THE WORLD

I.U. Graneva

The language mechanisms of the substantivizing and lexicalization of the Russian pronoun “nashi” (“our”) are analysed with respect to semantic derivation. The potentiality of using the substantivized and lexicalized pronoun “nashi” (“our”) in language conceptualization in the sphere of norms, ideals and values in the national picture of the world is considered.

Keywords: pronoun, substantivizing, lexicalization, language conceptualization of the world.